

Водопад публикаций, обсуждений и действий вздыбил цифровую тематику в 2017 году и возвел ее в ранг высшего приоритета развития. Стремительно подготовлены и приняты программные и операционные документы. Сделаны предельно процифровые заявления на высшем уровне. Обозначен даже бюджет и начата работа по его распределению. В рабочие группы программы цифровой экономики продолжают вливаться разнообразные эксперты и организации. «Оцифровевает» едва ли не все, что вокруг и внутри нас, вызывая ощущение массовой спам-рассылки и информационно-психологической эпидемии. Один из ее признаков — возникновение у некоторых участников процесса синдрома эйфории от «наикрутейшего» переворота в самих основах бытия и мировоззрения. Насколько оправдан такой настрой?

Для начала вспомним острую дискуссию, развернувшуюся еще в 2014 году. О мобилизации. Хотя премьер заявил о неприемлемости даже самой мысли о мобилизации, реальное развитие событий пошло по не столь очевидному «немобилизационному» пути. И не только из-за санкций, которые тоже дали импульс импортозамещению, модернизации вооруженных сил и промышленности, выстраиванию многополярной внешней политики. Но главное было в том, что многослойность имеющейся экономической реальности нашла отражение во внутренней и внешней политике. В экономике продолжали складываться автономные контуры воспроизводства, усиливалась концентрация капитала и неравномерность регионального развития. Правда, массивная пропаганда с упором на отвлеченные от хозяйственной и социальной повседневности сюжеты отчасти завуалировала эти существенные сдвиги. Они,

Александр Агеев

www.ageev.net

ЦИФРОВАЯ АЖИОТАЦИЯ

безусловно, носят пока очаговый характер, что усиливает впечатление, с одной стороны, несообразности ряда предпринимаемых действий, произносимых слов и возникающих ситуаций, с другой — весьма эффектных отдельных успехов. Для осмысления всей этой сложности стоит иметь в виду, во-первых, быстрое устаревание многих привычных клише (в том числе о рынке, государстве, демократии, информации и т.п.) и, во-вторых, возросшую значимость исторических аналогий (в частности, событий и процессов в 1920-е и 1970-е годы). В любом случае современные технологические возможности позволяют по-новому решать давние социально-экономические проблемы.

Если фигурально сформулировать, в чем новизна «цифровой экономики», то она состоит, во-первых, в достижении беспрецедентной гибкости технологий, производства и форматов потребления; во-вторых, в возможности кардинального удешевления производственных и логистических процессов; в-третьих, в «уплощении» моделей управления, резком росте значения самоорганизации. Но, возможно, главное в том, что быстрое действие, память и консолидация информационно-вычислительных систем позволяют «оцифровать» едва ли не все в этом мире и, как следствие, дают техническую возможность не только целенаправленно и экспериментально управлять социальными процессами путем обработки «больших данных», но и проектировать не только любые продукты, но и, возможно, любые виды массовых, групповых и индивидуальных сознаний. «Беспилотные системы», несомненно, способны взять на себя многие полезные функции жизнеобеспечения, главным образом подчиняющиеся алгоритмическим законам. Еще больше способны взять на себя системы искусственного интеллекта. Не случайно российский президент недавно в разговоре с детьми «Сириуса» как бы пошутил о том, кто будет «властелином мира», и тут же указал на необходимость делиться с другими землянами этими технологическими тайнами и избежать монополизма в этой сфере, внезапно ставшей столь важной. Так в цифровую ажиотацию стала проникать еще более важная тема. Пока она названа проблемой Общества 5.0. Но за ее горизонтом нас ждет еще более захватывающий вызов — Общество 6.0.